

Источниковедение и историография

Е. П. КАНДЕЛЬ

СОЗДАНИЕ «МАНИФЕСТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ» В СВЕТЕ НОВЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

К своему 125-летию юбилею, исполнившемуся в феврале 1973 г., «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса пришел в триумфальной славе гениального, полного глубокого научного предвидения произведения научного коммунизма. Его великие предначертания обрели плоть и кровь в могучем содружестве социалистических стран и в многомиллионной армии коммунистов, идущих в авангарде прогрессивных сил всего мира. Неудивительно, что этому всемирно-историческому документу международного коммунистического движения посвящена огромная литература.

История «Манифеста Коммунистической партии» имеет свою обширную историографию и источниковедение. Если не считать небольших упоминаний и характеристик, данных К. Марксом, подлинную основу этой историографии составляет ряд произведений и писем Ф. Энгельса за 70—90-е годы. Здесь прежде всего следует назвать его многочисленные предисловия к «Манифесту» (из которых первые два, относящиеся к 1872 и 1882 гг., написаны совместно с К. Марксом). Однако наиболее ценный материал по истории «Манифеста» дан Ф. Энгельсом в статье «К истории Союза коммунистов»¹, в кратких биографических очерках, посвященных К. Марксу², а также в статье «Социализм в Германии»³. Глубокие методологические положения, раскрывающие историю и историческое значение «Манифеста», содержатся в трудах В. И. Ленина.

В последующие два десятилетия все наиболее ценное по истории «Манифеста», что имелось к тому времени, было дано Ф. Мерингом в книгах «История германской социал-демократии» и «Карл Маркс. История его жизни», в его специальных статьях⁴.

Известны работы Ф. Меринга, Г. В. Плеханова, а также некоторые марксистские статьи К. Каутского, направленные против прямых буржуазных фальсификаторов марксизма — Г. Адлера, Ш. Андлера, Т. Массарика, против анархистов, стремившихся извратить подлинную историю генезиса идей «Манифеста Коммунистической партии»⁵.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 214—232.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 105—115; т. 22, стр. 349—360.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 22, стр. 250—251.

⁴ F. Mehring. Ein Gedenktag des Kommunismus (Zum Geburtstag des Kommunistischen Manifest). — «Neue Zeit», Jg. XVI, 1899, Bd. I, S. 353; его же. Märzrevolution und Kommunistenbund. — «Neue Zeit», Jg. XX, 1903, Bd. I, S. 737.

⁵ F. Mehring. Der Bund der Kommunisten. — «Neue Zeit», Jg. XXIX, 1911, Bd. II; его же. Ein methodologisches Problem (Charles Andler. «Le Manifeste Communiste»). — «Neue Zeit», Jg. XX, 1903, Bd. I, S. 449; его же. Ein französischer Sombart (Charles Andler). — «Neue Zeit», Jg. XX, 1903, Bd. I, S. 793; Г. В. Плеханов. Критика наших критиков. — «Избранные философские произведения», т. II. М., 1956; его же. Предисловие к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии». — Там же; рецензия К. Каутского на кн.: G. Adler. Geschichte der ersten sozialpolitischen Arbeiterbewegung in Deutschland. Breslau, 1885. — «Neue Zeit», Jg. IV, 1886, S. 91, а также его статья против анархистских фальсификаций «Манифеста», — «Neue Zeit», Jg. XXIV, 1906, Bd. II,

Бесъма значительную роль для источниковедения этого произведения сыграло вышедшее в 1913 г. в Штутгарте четырехтомное издание переписки К. Маркса и Ф. Энгельса. В нем содержались ценные документы по истории написания «Манифеста», Союза коммунистов и разработки его научной программы.

Еще более важной публикацией явились «Принципы коммунизма» Ф. Энгельса, напечатанные в 1914 г. отдельным изданием⁶. Эта работа Ф. Энгельса, представляющая собой один из первоначальных проектов программы Союза коммунистов, т. е. предварительный вариант «Манифеста», обсуждалась на его II конгрессе. Правда, сама рукопись не была еще должным образом изучена и потому в предисловии Э. Бернштейна не получила квалифицированного научного комментария, а публикация ее страдала существенными недостатками.

Третий период в источниковедении и историографии «Манифеста» начинается с победы Великой Октябрьской социалистической революции. Коммунистическая партия по указанию В. И. Ленина развернула в Советской России большую деятельность по публикации произведений и писем К. Маркса и Ф. Энгельса, материалов по истории марксизма и международного рабочего движения.

Известную работу проделал Д. Б. Рязанов, уделивший много внимания истории «Манифеста», его научному комментированию. Им было подготовлено комментированное издание «Манифеста Коммунистической партии», в которое были включены также пробный номер журнала «*Kommunistische Zeitschrift*», «Принципы коммунизма» Ф. Энгельса и Устав Союза коммунистов. Таким образом эти материалы стали впервые доступны русскому читателю⁷. В биографическом очерке «Маркс и Энгельс», в предисловиях к соответствующим томам их сочинений Д. В. Рязанов осветил некоторые важные моменты предистории «Манифеста». Он обратил внимание на работу Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета, на теоретико-критическую деятельность К. Маркса и Ф. Энгельса, которая явилась предварительным условием создания этого произведения⁸. Правда, Д. Б. Рязанов допускал подчас ошибки при анализе взаимоотношений К. Маркса и Ф. Энгельса с руководством Союза справедливых, которые подвергались критике в нашей литературе⁹. Однако это не умаляет того вклада, который он внес в изучение истории Союза коммунистов и разработку его научной программы.

Истории «Манифеста Коммунистической партии» посвятил ряд статей В. В. Адоратский¹⁰. В рамках известных ему произведений и писем Маркса и Энгельса он пытался проследить историю «Манифеста». К сожалению, источниковедческая база этих статей еще крайне скудна, в них совершенно не использовались появившиеся в те годы зарубежные публикации по данному вопросу.

Следует назвать также первый том биографии Ф. Энгельса, написанной прогрессивным буржуазным историком, тяготеющим к марксизму, Г. Майером¹¹. В его работе содержится материал по предистории «Манифеста», которая рассматривается в тесной связи с историей Союза коммунистов и социалистической мысли.

Другой, еще более важной работой по этой теме была публикация К. Грюнберга в 1920 г., посвященная журналу руководства Союза коммунистов «*Kommunistische Zeitschrift*» и другим его документам, а также одному из проектов программы Союза — «Коммунистическому символу веры»¹². Однако выдвинутая К. Грюнбергом гипотеза о примерном содержании не найденного еще в то время «Символа веры» и о вероятных его авторах не подтвердилась, а в настоящее время подверглась справедлив-

⁶ F. Engels. Grundsätze des Kommunismus. Berlin, 1914.

⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Коммунистический Манифест. С введением и примечаниями Д. Рязанова. 6-е изд. М. — Л., 1930.

⁸ См. Д. Б. Рязанов. Маркс и Энгельс. М., 1923; е г о ж е. Очерки по истории марксизма, т. I. М., 1923; е г о ж е. Предисловия к V и XXI томам 1-го издания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

⁹ См. «История исторической науки», т. IV. М., 1966, стр. 689—690; «Литературное наследство К. Маркса и Ф. Энгельса». М., 1969, стр. 115.

¹⁰ См. В. В. Адоратский. К вопросу о возникновении «Коммунистического Манифеста». — «Молодая Гвардия», 1922, № 1—2, 3.

¹¹ G. Mayer. Friedrich Engels. Eine Biographie. Berlin, 1920.

¹² C. Grünberg. Die Londoner Kommunistische Zeitschrift und andere Urkunden aus den Jahren 1847—1848. — «Hauptwerke des Socialismus und der Sozialpolitik». Neue Folge, 1920, H. 5.

вой научной критике в ряде работ ¹³. Но в защиту К. Грюнберга следует сказать, что заблуждение, побудившее его приписать «Символ веры», написанный в основном Ф. Энгельсом, членам ЦК Союза коммунистов (К. Шапперу, И. Моллю и Г. Бауэру) имело известное основание. Он, видимо, опирался на свидетельство Энгельса — делегата I конгресса Союза, который в рассказе о работе этого конгресса не упомянул об обсуждении «Символа веры» и о своей причастности к его составлению ¹⁴. К тому же в передовой статье журнала «*Kommunistische Zeitschrift*» содержалось положение, которое давало основание полагать, что «Символ» был составлен ЦК Союза после конгресса ¹⁵.

Гипотеза Грюнберга оказала большое влияние на всю последующую литературу по истории «Манифеста Коммунистической партии», выходившую за рубежом и в Советском Союзе ¹⁶.

Сохранила ли свое научное значение публикация К. Грюнберга после того, как обнаружилось, что предполагавшийся им проект «Коммунистического символа веры» не соответствует написанному документу? Безусловно. Ведь процесс создания «Манифеста Коммунистической партии» не явился результатом какого-либо кабинетного творчества К. Маркса и Ф. Энгельса в отрыве от рабочего движения, от деятельности Союза коммунистов. Создавая его программный документ, К. Маркс и Ф. Энгельс стремились в первую очередь ответить на те актуальные вопросы борьбы, которые выдвигались самими членами и руководством Союза, всей его деятельностью.

Основоположники научного коммунизма, работая над «Манифестом», над его предварительными вариантами, тщательно следили за всеми мучительными поисками рабочих теоретической революционной мысли, проявившимися в предшествующих документах Союза и при их обсуждении. Попытки передовых рабочих собственными силами разработать программные документы Союза получили всестороннее освещение в публикации К. Грюнберга, а без этой существенной страницы нет подлинной всесторонней истории «Манифеста Коммунистической партии».

Значительный вклад в дальнейшую разработку истории «Манифеста» был сделан марксистской историографией в последующие десятилетия. В этой связи следует назвать коллективный труд, выполненный под руководством Э. Цобеля и под редакцией В. В. Адоратского, — «Карл Маркс. Даты жизни и деятельности 1818—1883» ¹⁷. Хотя издание было посвящено всему жизненному пути К. Маркса, в нем приводились весьма важные факты, отражающие историю написания «Манифеста». Большое внимание истории великого творения К. Маркса и Ф. Энгельса было уделено в книгах советских и немецких исследователей ¹⁸.

Марксистская историография сумела расширить источниковедческую основу предыстории «Манифеста Коммунистической партии», исследования его предварительных вариантов — «Коммунистического символа веры» и «Принципов коммунизма». Она проанализировала воздействие рабочего и социалистического движения 40-х годов на

¹³ H. F ö r d e r. Marx und Engels am Vorabend der Revolution. Berlin, 1960, S. 266—278; H. F ö r d e r, M. H u n d t. Zur Vorgeschichte von Engels' Arbeit «Grundsätze des Kommunismus». — «Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung», 1970, H. 1, S. 63—64; К. Л. С е л е з н е в. Новые документы Союза коммунистов. — «Вопросы истории», 1969, № 10, стр. 18—37.

¹⁴ См. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 21, стр. 224.

¹⁵ «*Kommunistische Zeitschrift*», 1847. Probeblatt, S. 5.

¹⁶ См. предисловие Г. Дункера в кн.: F. E n g e l s. Grundsätze des Kommunismus. Berlin, 1928; вступительную статью Т. Штаммена в кн.: K. M a r x. Manifest der Kommunistischen Partei. Herausgegeben, eingeleitet und erläutert von Teo Stammen. München, 1969; Е. П. К а н д е л ь. Маркс и Энгельс — организаторы Союза коммунистов. М., 1953, стр. 217—235; М. И. М и х а й л о в. История Союза коммунистов. М., 1968, стр. 157.

¹⁷ См. «Карл Маркс. Даты жизни и деятельности 1818—1883». М., 1934.

¹⁸ См. предисловие Г. Дункера в кн.: F. E n g e l s. Grundsätze des Kommunismus; H. F ö r d e r. Op. cit.; Е. А. С т е п а н о в а. Фридрих Энгельс. М., 1935; Е. П. К а н д е л ь. Указ. соч., стр. 217—235; е г о ж е. Новые факты по истории «Манифеста Коммунистической партии». — «Новая и новейшая история», 1960, № 2; е г о ж е. К истории первых программных документов научного коммунизма. — Сб. «Европа в новое и новейшее время». М., 1966, стр. 229—252; М. И. М и х а й л о в. Союз коммунистов — первая международная организация рабочего класса. М., 1960, стр. 161—162.

процесс разработки К. Марксом и Ф. Энгельсом теоретических положений «Манифеста», раскрыла его значение как теоретического обобщения практического опыта этого движения. Она продолжила начатое К. Грюнбергом изучение истории «Манифеста», уточнив ряд положений и вместе с тем предостерегла от излишней абсолютизации отдельных выводов данного автора.

Сопоставив «Манифест» и «Принципы коммунизма» с такими произведениями К. Маркса и Ф. Энгельса, как «Немецкая идеология», «Нищета философии», «Наемный труд и капитал», эта историография сумела проследить, как на протяжении ряда лет основоположники научного коммунизма последовательно формулировали те теоретические положения, которые в завершенной форме вошли в «Манифест».

При оценке в целом плодотворных результатов марксистской историографии «Манифеста» 30—середины 60-х годов нельзя не учитывать того факта, что ее источниковедческая база была еще недостаточно сильна, чтобы отстаивать по всем выдвинутым вопросам правильные решения¹⁹.

Началом нового периода в историографии Союза коммунистов и «Манифеста» можно считать 1968 г., когда известный марксовед Берт Андреас, а одновременно с ним и представители Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ (Берлин) обнаружили в Государственной и Университетской библиотеке Гамбурга фонд материалов И. Ф. Мартенса, руководителя Гамбургской общины Союза коммунистов. Среди этих материалов оказалось пять документов, связанных с работой I конгресса Союза. Среди них особенно большое значение имеют Циркулярное письмо ЦК членам Союза о I конгрессе, а также проекты «Коммунистического символа веры» и Устава Союза, обсуждавшиеся на этом конгрессе. Документы были опубликованы Андреасом в Гамбурге в 1969 г.²⁰; они же вошли в первый том сборника «Der Bund der Kommunisten», изданного в Берлине в 1970 г.²¹

Указанная публикация пролила свет на предысторию «Манифеста Коммунистической партии». Теперь «Коммунистический символ веры» предстал как документ, от начала и до конца переписанный рукою Ф. Энгельса, который действительно является его основным автором. Обоснованием авторства Ф. Энгельса служит не только литография его автографа, но и более веские аргументы. Главным из них — почти полная идентичность большинства пунктов «Коммунистического символа веры» (7—12, 14, 17—21) с соответствующими пунктами «Принципов коммунизма», составленных Ф. Энгельсом в октябре — ноябре 1847 г. «Принципы коммунизма» представляют собой более развернутый, чем «Символ веры», проект программы, написанный Ф. Энгельсом непосредственно перед II конгрессом Союза коммунистов. Авторство Ф. Энгельса подтверждается также теоретической и текстуальной близостью многих ответов «Символа» с отдельными теоретическими положениями из его работ «Положение рабочего класса в Англии», «Эльберфельдские речи», из его некоторых писем К. Марксу за 1846 г. из Парижа²².

В качестве аргумента, обосновывающего принадлежность «Символа» Ф. Энгельсу, в литературе приводилось также и то обстоятельство, что структура этого документа начиная с 7-го вопроса соответствует структуре «Принципов коммунизма»; различие

¹⁹ Так, следуя за концепцией К. Грюнберга, автор данной статьи сделал вывод, что I конгресс занимался преимущественно организационными вопросами, а проект «Коммунистического символа веры» был составлен членами ЦК Союза К. Шаппером, И. Моллем и Г. Бауэром уже после конгресса. Этой точки зрения многие историки продолжали придерживаться вплоть до публикации в 1968 г. материалов I конгресса Союза коммунистов. Следует заметить, что подобные ошибки повторяются и в изданиях, выходящих в настоящее время. Так, в выпущенной издательством «Editions sociales» книге «Manifeste du Parti Communiste» (Paris, 1972), в приложении к которой включен и недавно найденный «Коммунистический символ веры», в содержательном введении проф. Ж. Брюа снова повторяется, что авторами «Символа» являются К. Шаппер, И. Молль и Г. Бауэр. Между тем достаточно сопоставить «Символ» с «Принципами коммунизма», чтобы убедиться, что основным его автором является Ф. Энгельс.

²⁰ «Gründungsdokumente des Bundes der Kommunisten (Juni bis September 1847)». Hrsg. von Bert Andréas. Hamburg, 1969.

²¹ «Der Bund der Kommunisten. Dokumente und Materialien», Herausgegeben vom Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED und vom Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK KPdSU, Bd. 1 (1836—1849). Berlin, 1970.

²² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 243, 256—257, 312, 552—554; т. 27, стр. 59—60, 65; «Вопросы истории КПСС», 1970, № 1, стр. 83—85.

состоит лишь в том, что в «Принципах» добавлен ряд новых вопросов²³. Текст «Символа» дошел до нас не в том виде, как его написал Ф. Энгельс, а в форме официального документа, принятого I конгрессом Союза коммунистов. Следовательно, какова была первоначальная структура «Символа», когда Энгельс его составил, нам не до конца известно. Это обстоятельство несколько ослабляет силу указанного аргумента.

В свете найденных документов иначе выглядит начало работы К. Маркса и Ф. Энгельса над проектом программы. В очерке «К истории Союза коммунистов» Ф. Энгельс сообщает: «Весной 1847 г. Молль приехал в Брюссель к Марксу и тотчас же после этого ко мне в Париж, чтобы от имени своих товарищей еще раз пригласить нас вступить в Союз... Если мы пожелаем вступить в Союз, то нам дана будет возможность изложить на конгрессе Союза наш критический коммунизм в виде Манифеста, который после этого будет опубликован как Манифест Союза»²⁴. Если сопоставить это высказывание Ф. Энгельса, сделанное через сорок лет после описываемых событий, с другими материалами и особенно с недавно опубликованными новыми документами, приходится прийти к выводу, что его слова дают лишь суммарную характеристику хода этих событий. Как видно из мандата, врученного лондонцами Моллю для переговоров с Марксом и Энгельсом²⁵, из Циркулярного письма ЦК Союза коммунистов²⁶, а также из февральского Обращения Народной палаты Союза справедливых, Молль приехал в Брюссель, а затем в Париж не весной, а зимой 1847 г. Молль, вероятно, предложил Марксу, а затем Энгельсу принять участие в разработке и обсуждении не «Манифеста», а «Символа веры», так как призыв к составлению подобного документа содержался уже в ноябрьском Обращении Народной палаты²⁷.

Само название «Коммунистический манифест» исходит от Ф. Энгельса, который выдвинул его уже непосредственно перед II конгрессом Союза коммунистов в письме К. Марксу 23—24 ноября 1847 г.²⁸ Следовательно, во время бесед с Моллем в январе — феврале 1847 г. о «Манифесте» речь не шла. О чем же договорились тогда?

Судя по письму К. Маркса Ф. Энгельсу от 15 мая 1847 г., в котором Маркс сообщал, что на I конгресс Союза в Лондон не поедет, он, видимо, никаких определенных литературных обязательств по отношению к руководству Союза не брал. Иначе обстоит дело с Энгельсом. По-видимому, Молль в Париже договорился с ним, что тот набросает краткий проект программы — «Символ веры», который послужит основой для дискуссии в общинах и на I конгрессе Союза. Подобный ход рассуждений можно предположить, прочитав Циркулярное письмо ЦК о I конгрессе, соавтором которого он является²⁹. Очевидно, Энгельс дал согласие. Никаких конкретных материалов о том, как он работал над «Символом веры», когда начал писать его, каков был вид этой рукописи, когда Энгельс представил ее руководству Союза, пока не найдено. Ясно одно: форма катехизиса (вопросов и ответов), очень распространенная в тогдашнем социалистическом движении, название документа, примерная формулировка вопросов (она была дана в ноябрьском и февральском обращениях руководства Союза) исходили от Молля, от Народной палаты Союза справедливых³⁰.

Написанный и представленный Ф. Энгельсом проект программы обсуждался на I конгрессе Союза, который начал свою работу 2 июня 1847 г. Программный вопрос являлся одним из трех основных вопросов, стоявших на его повестке дня³¹. Однако условия, в которых проходило обсуждение, были довольно сложными. Руководство Союза еще недостаточно усвоило революционно-коммунистические воззрения Маркса и Энгельса. Так, в первой статье Устава Союза было записано: «Целью Союза является освобождение людей путем распространения теории общности имущества и возможно быстрого претворения ее в жизнь»³².

²³ Г. А. Багатурян. Энгельс как соавтор «Манифеста Коммунистической партии». — «Вопросы истории КПСС», 1970, № 12, стр. 23.

²⁴ «Союз коммунистов — предшественник I Интернационала», Сб. документов. М., 1964, стр. 26—27.

²⁵ См. там же, стр. 129.

²⁶ См. «Вопросы истории КПСС», 1970, № 1, стр. 88.

²⁷ См. «Союз коммунистов....», стр. 120, 131, 133.

²⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 102.

²⁹ См. «Вопросы истории КПСС», 1970, № 1, стр. 91.

³⁰ См. «Союз коммунистов....», стр. 124—125, 131, 134—135.

³¹ См. «Вопросы истории КПСС», 1970, № 1, стр. 80—82.

³² «Новая и новейшая история», 1970, № 6, стр. 30.

Пункт о распространении теории общности имущества еще сильно напоминает мирную пропаганду утопического социализма. Маркс и Энгельс к этому времени уже решительно отказались от подобной терминологии и открыто выдвигали требование уничтожения частной собственности и основанного на антагонизме классов буржуазного общества. О ситуации на I конгрессе можно получить представление из замечания, высказанного Энгельсом накануне II конгресса: *«На этот раз все будет в наших руках»*³³. Следовательно, на I конгрессе еще не все было в руках Маркса и Энгельса.

Однако Ф. Энгельс и В. Вольф, соратник основоположников марксизма, уже на I конгрессе Союза добились многого для победы революционно-коммунистического направления, для принятия революционной программы. Несомненно, под их влиянием делегаты конгресса решительно осудили в своем Циркулярном письме, с одной стороны, раскольническую деятельность вейтлингянцев, их увлечение сочинением новых утопических систем, их «казарменный коммунизм», а с другой — «истинных социалистов», этих «слезливо умиляющихся коммунистов», с их жалкими мечтаниями о всеобщей любви между людьми всех классов и всех состояний. Новый Центральный комитет заявил: «Мы старались, постоянно обращая внимание на общественные отношения, которые только и порождают коммунизм, всегда сохранять твердую почву под ногами»³⁴. Конгресс уже открыто противопоставлял революционный коммунизм буржуазному социализму с его мирными фразами и реформами.

Твердая коммунистическая позиция конгресса проявилась и в переименовании Союза справедливых в Союз коммунистов. Это новое название организации, которое исходило от К. Маркса и Ф. Энгельса, Центральный комитет решительно отстаивал и после конгресса. Революционная позиция проявилась и в замене старого девиза «Все люди — братья!» новым, также сформулированным Марксом и Энгельсом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», и в наименовании печатного органа Союза — «Коммунистический журнал» («Kommunistische Zeitschrift»). Все это уже предопределило принятие конгрессом большинства теоретических положений, сформулированных Ф. Энгельсом в «Коммунистическом символе веры».

Тем не менее на конгрессе при обсуждении проекта «Коммунистического символа веры» Ф. Энгельсу были навязаны первые шесть вопросов и ответов, которые в какой-то мере были составлены в духе положений естественного права, присущих утопическому социализму. Так, отвечая на вопрос, какими положениями обосновывается общность имущества, авторы этих пунктов, приводя сперва принадлежащее, по-видимому, Энгельсу совершенно правильное утверждение, что развитие промышленности, земледелия, торговли, колонизации породило массу производительных сил и что в них заложены возможности еще более быстрого производства жизненных благ, затем сбиваются на старую стезю и утверждают нечто противоположное, явно возвращаясь к аргументации французских просветителей XVIII в. или социалистов-утопистов³⁵.

Можно, конечно, согласиться с Г. А. Багатуряна, что из первых шести ответов Ф. Энгельс не все отвергал, что при работе над «Принципами коммунизма» он не включил только три с половиной пункта, а остальное использовал в других пунктах и в другом сочетании³⁶. Однако бесспорно и то, что в первых шести ответах, навязанных Энгельсу, еще проявились колебания руководства Союза и многих делегатов конгресса между утопическим и научным коммунизмом. Эти колебания имели место, по-видимому, и при обсуждении других положений «Символа веры». Уже само название документа, исходившее от Центрального комитета, также навязанное Энгельсу, показывало, в какой мере деятели Союза еще были опутаны традициями утопического коммунизма и заговорщических обществ. Вероятно, Энгельсу на этой стадии удалось добиться только того, что к названию «Символ веры» было добавлено «Коммунистический». Когда же Энгельс перед II конгрессом стал дальше разрабатывать проект программы, он отбросил старое наименование документа и назвал свой новый, расширенный проект «Принципы коммунизма», из чего ясно видно, каково было его истинное отношение к старому названию.

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 101.

³⁴ «Вопросы истории КПСС», 1970, № 1, стр. 91.

³⁵ См. там же, стр. 83.

³⁶ См. «Вопросы истории КПСС», 1970, № 12, стр. 23—24.

Ф. Энгельса не устраивала также предписанная ему руководством Союза форма катехизиса, в которой он должен был изложить свой проект программы. Как известно из уже приведенного здесь его письма к Марксу от 23—24 ноября 1847 г., он возражал против этой формы, крайне неудобной при освещении процесса исторического развития. Однако на I конгрессе Энгельс еще не мог отказаться от нее. Колебания руководства Союза проявились, по-видимому, также и в том, что оно не решалось окончательно утвердить представленный проект программы, приняв его лишь как основу для дальнейшего обсуждения. Мотивируя причину, Центральный комитет в Циркулярном письме указывал: «Конгресс пришел к выводу, что открытое провозглашение принципов Союза является шагом величайшей важности, что такой символ веры, который через несколько лет, а быть может и месяцев, уже не будет соответствовать времени и не будет выдержан в духе большинства, окажет столь же вредное воздействие, в какой мере хороший символ веры будет полезен. Таким образом, этот шаг следует делать особенно осторожно и не торопиться... Поэтому конгресс решил подготовить набросок этого плана и предложить его общинам для обсуждения, редактирования и для присылки в Центральный комитет предложений об изменениях и добавлениях»³⁷.

Вероятно, и Энгельс не возражал против подобной отсрочки. Он прекрасно понимал, что разработку такого теоретически важного документа, как программа нового Союза коммунистов, нельзя осуществить без участия Маркса. Повторная постановка вопроса о программе на II конгрессе позволит Марксу представить к этому времени свой собственный или составленный совместно с Энгельсом проект программы.

Естественно, возникает вопрос, следует ли рассматривать «Коммунистический символ веры» как документ, написанный в основном Ф. Энгельсом, или же как совместный компромиссный документ, в составлении которого он принял участие. К последней точке зрения склоняется автор «Введения» к публикации документов конгресса Берт Андреас³⁸. Точка зрения Г. А. Багатурия о том, что «Энгельс был не соавтором, а автором «Проекта», но в немногих пунктах вынужден был сделать некоторые уступки незрелым еще воззрениям руководителей «Союза справедливых»³⁹, является, по нашему мнению, более правильной. В основном своем содержании представленный документ излагает принципы научного коммунизма, отстаивает новое материалистическое понимание развития производительных сил как основы исторического процесса, дает марксистский анализ классового деления общества и социальных различий между группами трудящихся.

По немногим дошедшим до нас материалам можно представить, правда, довольно неполно, как был встречен «Коммунистический символ веры» в общинах Союза коммунистов. Так, из Гамбургской общины, где было немало приверженцев Вейтлинга и «истинных социалистов», поступило письмо, в котором было выражено несогласие с критикой по их адресу и сожаление по поводу изменения названия Союза. Руководители общины советовали придерживаться умеренности и единства⁴⁰. Примерно аналогичный резонанс получили документы конгресса и в Лейпцигской общине, испытывавшей влияние «истинного социализма». В частности, ее члены заявили, что «необходимо придать Символу веры *более научный и доступный всем (?) классам общества характер*» (курсив наш. — Е. К.)⁴¹. Они выступили за почти полную переработку этого документа, причем ЦК в Обращении к Союзу от сентября 1847 г. объявил о своем согласии с большинством приведенных в письме предложений⁴². Таким образом, Центральный комитет продолжал занимать ту же колеблющуюся позицию, что и ранее на самом конгрессе. Письма из Гамбурга и Лейпцига свидетельствовали, что многие общины Союза в Германии продолжали еще испытывать сильное влияние вейтлингианства и «истинного социализма» и еще не совсем созрели для восприятия идей научного коммунизма.

«Коммунистический символ веры» обсуждался и в шведских общинах Союза коммунистов. Здесь наряду с приверженцами Вейтлинга, стремившимися пропагандировать идеи коммунизма в евангельско-религиозной форме, имелись и многочисленные сто-

³⁷ «Вопросы истории КПСС», 1970, № 1, стр. 91.

³⁸ «Gründungsdokumente des Bundes der Kommunisten», S. 22—23.

³⁹ «Вопросы истории КПСС», 1970, № 12, стр. 22—23.

⁴⁰ См. «Новая и новейшая история», 1970, № 6, стр. 34.

⁴¹ Там же, стр. 35.

⁴² См. там же.

ронники утопического коммунизма Кабе. Результаты этой дискуссии выразил один из шведских членов Союза—П. Йётрек в составленной им брошюре «О пролетариате и его освобождении путем истинного коммунизма»⁴³. В ней дословно воспроизведены многие пункты из «Коммунистического символа веры» Ф. Энгельса, которые самым некритическим образом дополнены кабетистскими положениями и воззрениями «истинного социализма». Все это говорит о том, насколько еще незрелы были взгляды шведских коммунистов, не сумевших увидеть принципиальное различие между марксистскими идеями и взглядами утопического и мелкобуржуазного социализма. Тем не менее брошюра П. Йётрека представляет весьма ценный документ, который впервые популяризировал среди шведских социалистов некоторые идеи научного коммунизма⁴⁴.

Составленный Ф. Энгельсом проект программы был предметом активного обсуждения и в лондонских общинах Союза коммунистов. Опубликованные известным историком анархистского движения М. Нетлау выдержки из протокольной книги Лондонского просветительного общества немецких рабочих⁴⁵ свидетельствуют, что «Символ веры» пункт за пунктом обсуждался на его собраниях. По-видимому, члены Союза в Лондоне были согласны с большинством пунктов этого документа. Отсутствие в нашем распоряжении протокольных книг Союза не позволяет в полной мере воспроизвести указанную дискуссию.

Живо реагировал на присылку документов I конгресса Брюссельский округ Союза. В письме ЦК он сообщил, что в связи с обсуждением в Брюсселе «Коммунистического символа веры» было предложено множество важных изменений. Центральный комитет в своем обращении указывал, что эти предложения будут рассмотрены на предстоящем II конгрессе⁴⁶.

Особенно острая идейная борьба вокруг «Коммунистического символа веры» развернулась в парижских общинах Союза, где обсуждение началось в сентябре — октябре 1847 г., когда Ф. Энгельс еще находился в Брюсселе. В дискуссии принял активное участие идеолог «истинного социализма» М. Гесс, который, хотя к тому времени и называл себя приверженцем идей К. Маркса, по-видимому, полностью преодолеть свои ошибочные взгляды не смог. Являясь членом Союза коммунистов, Гесс в ходе дискуссии выдвинул свой проект «Символа веры», который Ф. Энгельс проницательно охарактеризовал как «божественно исправленный катехизис»⁴⁷. Очевидно, эти «исправления» вели не к торжеству идей научного коммунизма, сформулированных Энгельсом в «Коммунистическом символе веры», а к усилению утопических тенденций. Естественно, что по приезду в Париж в конце октября Энгельс подверг на заседании Окружного комитета Союза проект Гесса обстоятельной критике. Комитет поручил Энгельсу составить новый проект программы, который необходимо было послать в Лондон Центральному комитету от имени парижского комитета⁴⁸. Энгельс не считал целесообразным поставить свой новый проект на обсуждение парижских общин, поскольку теоретический уровень большинства членов организации Союза в Париже был невысок.

⁴³ «Om proletariatet och Dess Befrielse genom Den Sanna Kommunismen», Stockholm, 1847.

⁴⁴ Автор данной статьи, анализируя в 1960 г. эту брошюру, которая в то время была мало известна, впервые установил идентичность ее значительной части с рукописью Ф. Энгельса «Принципы коммунизма». Так как в брошюре была опущена форма катехизиса, им было высказано суждение, что здесь использован какой-то не дошедший до нас вариант «Принципов коммунизма». Сейчас, после опубликования «Коммунистического символа веры», ясно, что данное предположение оказалось неточным. В брошюре в действительности были воспроизведены положения из «Коммунистического символа веры». К. Л. Селезнев, также отмечавший в статье «Новые документы Союза коммунистов» («Вопросы истории», 1969, № 10) неточность этого предположения, все же продолжает придерживаться мнения, что между «Символом» и «Принципами коммунизма» имеется еще одна промежуточная, пока не найденная редакция катехизиса коммунистов. Мы полагаем, что это предположение К. Л. Селезнева не обосновано. Более прав, по нашему мнению, Г. А. Багатурян, утверждающий, что между «Символом» и «Принципами» никакой другой промежуточной редакции не существовало. — «Вопросы истории КПСС», 1970, № 12, стр. 21—22.

⁴⁵ «Archiv für die Geschichte des Socialismus und der Arbeiterbewegung», Jg. VIII, Leipzig, 1919, S. 389.

⁴⁶ См. «Новая и новейшая история», 1970, № 6, стр. 38.

⁴⁷ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. 27, стр. 96.

⁴⁸ См. там же.

Новый проект программы, над которым Ф. Энгельс работал с конца октября до конца ноября 1847 г., он назвал «Принципами коммунизма». Поскольку над этим произведением Энгельс продолжал трудиться вплоть до дня отъезда на II конгресс Союза коммунистов в Лондон, проект был не послан, а привезен им самим. В основе нового документа лежал «Коммунистический символ веры». Однако Ф. Энгельс отбросил все те пункты «Символа», с которыми был несогласен, но которые должен был включить по решению I конгресса. Так, в частности, были опущены или частично использованы в другой, более научной редакции первые шесть вопросов и ответов. Ряд пунктов «Коммунистического символа веры» Ф. Энгельс расширил, дав более подробную характеристику буржуазного общества и его противоречий. В «Принципы коммунизма» включен ряд новых вопросов (5—6, 10—14, 19—20, 24—25) ⁴⁹.

В новых пунктах Ф. Энгельс дает обстоятельный экономический анализ условий, при которых происходит продажа трудоспособности пролетариев капиталистам, характеризует экономический закон заработной платы (п. 5), выясняет ближайшие последствия промышленной революции и разделения общества на буржуа и пролетариев (п. 11). В 11-м пункте содержатся многие идеи, которые затем лягут в основу будущей первой главы «Манифеста Коммунистической партии». 12-й и 13-й пункты, рассматривающие экономические кризисы и их воздействие на положение рабочего класса, на ускорение гибели буржуазного строя, тесно связаны с 11-м пунктом. В них, и особенно в 15-м пункте, в доступной для рабочих форме показана диалектика производительных сил и производственных отношений капитализма, неизбежно подготавливающих его замену новым общественным строем. Принципиальное значение имеют 14-й и 20-й пункты, в которых Ф. Энгельс дал первую развернутую научную характеристику будущего бесклассового общества, лаконично сформулированную затем в «Манифесте». Ответы на 24-й вопрос: «Чем отличаются коммунисты от социалистов?» и на 25-й: «Как относятся коммунисты к остальным политическим партиям нашего времени?» — были более обстоятельно освещены К. Марксом в III и IV главах «Манифеста».

На три вопроса (9, 22 и 23) в «Принципах коммунизма» ответа не дается; в двух последних случаях вместо ответа сделана пометка: «остается». Однако «Коммунистический символ веры» содержит ответы на данные вопросы, и это показывает, что Ф. Энгельс собирался использовать ответы «Символа» в существующей или измененной редакции.

Сопоставление «Коммунистического символа веры», «Принципов коммунизма» и «Манифеста Коммунистической партии» наиболее рельефно раскрывает роль Ф. Энгельса как соавтора «Манифеста», как теоретика, подготовившего первый проект программы, ее первоначальное звено. Разработанные им затем «Принципы коммунизма» фактически уже явились предварительным, черновым вариантом «Манифеста», в написании которого и окончательной редакции главная роль принадлежит К. Марксу. Сравнение «Принципов» с «Манифестом» наглядно показывает, что «имена Маркса и Энгельса, — как писал В. И. Ленин, — справедливо ставят рядом, как имена основоположников современного социализма» ⁵⁰.

Дальнейшая работа К. Маркса по созданию «Манифеста Коммунистической партии» широко освещалась во всех указанных исследованиях немецких и советских авторов. Новейшая литература не содержит принципиально новых сведений по данному вопросу. Правда, одна проблема — о степени участия К. Маркса и Ф. Энгельса в написании «Манифеста Коммунистической партии», которая непосредственно упирается в изучение роли Энгельса в разработке материалистического понимания истории, — получила довольно глубокое освещение в юбилейной литературе, посвященной 150-летию со дня его рождения. В этой связи следует назвать выступление Огюста Корню на международной научной конференции в Вуппертале (25—29 мая 1970 г.) на тему: «Участие Ф. Энгельса в создании исторического материализма» ⁵¹ и статьи Г. А. Багатурия по указанным проблемам ⁵². В этих весьма содержательных работах вызывает

⁴⁹ См. «Вопросы истории КПСС», 1970, № 12, стр. 23.

⁵⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 269.

⁵¹ «Friedrich Engels 1820—1870. Referate. Diskussionen. Dokumente». Hannover, 1971, S. 3—9.

⁵² См. Г. А. Багатурия. Указ. соч., стр. 16—27; е го ж е. Роль Энгельса в разработке материалистического понимания истории. — «Энгельс-теоретик». М., 1970, стр. 137—158.

возражение лишь стремление во всех случаях указать, какая именно мысль была первоначально выдвинута Марксом или Энгельсом, между тем как подобные утверждения в большинстве случаев носят гипотетический характер.

Широкое освещение в новейшей литературе получила история распространения «Манифеста Коммунистической партии». Однако некоторые буржуазные авторы тенденциозно утверждают, что появление «Манифеста» прошло как бы незамеченным, что он якобы не получил почти никакого отклика в Германии⁵³. Эти заявления не обоснованы, они противоречат свидетельствам участников движения, подлинным фактам. «Манифест» имел свою собственную судьбу, — писал впоследствии Ф. Энгельс в одном из предисловий к нему. — При своем появлении он был (как это доказывают переводы, отмеченные в первом предисловии) восторженно встречен тогда еще немногочисленным авангардом научного социализма, но вскоре был оттеснен на задний план реакцией»⁵⁴. Энгельс показывает далее, что с подъемом рабочего движения «Манифест» получает все большее распространение и воздействие. Это можно проследить и по солидной, научно объективной библиографии изданий «Манифеста Коммунистической партии», составленной Бертом Андреасом⁵⁵.

Известно, что «Манифест» уже с самого начала был отпечатан двумя тиражами в феврале и марте 1848 г., что многие сотни его экземпляров были розданы немецким революционным рабочим, возвращавшимся после начала революции на родину, где они пропагандировали его идеи в рабочих союзах и демократических организациях. Известно, что на протяжении марта — апреля 1848 г. «Манифест» печатался в демократической «Deutsche Londoner Zeitung», что его призывы звучали со страниц «Neue Rheinische Zeitung» и многих других немецких демократических и социалистических газет. В Германии его идеи пропагандировали такие члены Союза коммунистов, как В. Вольф, И. Вейдемейер, Ф. Вольф, Э. Дронке, и многие другие. О том огромном влиянии, которое он оказал на членов Союза, можно судить хотя бы по выступлениям К. Шаппера после выхода «Манифеста».

Триумфу марксизма, победе идей «Манифеста Коммунистической партии» современные буржуазные «марксологи» противопоставляют жалкие фальсификации. В этом можно убедиться уже на примере того же Бертрана Вольфа. Он, как и большинство других современных буржуазных идеологов, голословно утверждает, будто вывод К. Маркса и Ф. Энгельса о неизбежности гибели буржуазного общества и победы пролетариата не подтвердился. Но сам Вольф вынужден признать, что имя Маркса «остается знаменем и повседневным словом для миллионов»⁵⁶.

Главное для всех буржуазных «марксологов» — использовать фальсификацию марксизма для защиты буржуазного общества. Так, один из приверженцев буржуазной концепции «современного индустриального общества» — Герман Вебер, выпустивший факсимильное издание «Манифеста», в предисловии пытается представить Маркса основоположником этой «теории» и стремится дискредитировать все содержащиеся в этом произведении революционно-практические выводы⁵⁷.

Но вопреки всем фальсификаторским манипуляциям буржуазных идеологов «Манифест Коммунистической партии» был и остается документом непреходящего исторического значения, вдохновляющим сотни миллионов людей во всем мире на борьбу против капиталистического строя, за торжество социализма и коммунизма.

⁵³ B. D. Wolfe. *Marxism. 100 Years in the Life of a Doctrine*. New York, 1965, p. 24.

⁵⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. *Манифест Коммунистической партии*. М., 1948, стр. 26—27.

⁵⁵ B. A n d r é a s. *Le Manifeste Communiste de Marx et Engels. Histoire et bibliographie, 1848—1918*. Milan, 1963.

⁵⁶ B. D. Wolfe. *An Ideology in Power. Reflections on the Russian Revolution*. London, 1969, p. VIII.

⁵⁷ См. вступительную статью Г. Вебера в кн.: K. M a r x u n d F. E n g e l's. *Das Kommunistische Manifest*. Hannover, 1966, S. 31.